

ВОСТОК И ТВОРЧЕСТВО ЛЕРМОНТОВА: ПОЭТИКА ВОСТОЧНОГО МИФА И КАВКАЗСКАЯ ТЕМАТИКА

Исакова Рухшона Отабек кизи

Студент ФерГУ

Сабилов НEMAT Казакбаевич

Научный руководитель старший преподаватель кафедры русской филологии Ферганского государственного университета

Аннотация. Данная статья исследует роль восточной тематики в творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова (1814-1841), анализируя эволюцию от романтической экзотики к философскому осмыслению восточного мира. Рассматриваются ключевые произведения: поэмы «Демон», «Мцыри», «Тамара», стихотворения «Кавказ», «Три пальмы», «Ветка Палестины», «Кинжал». Показано, что Кавказ для Лермонтова выступает не только как географический и политический объект, но и как экзистенциальное пространство, где разворачиваются драмы свободы, любви и смерти. Восточные мотивы в лирике поэта функционируют как средство конструирования «иного» пространства, позволяющего исследовать пределы человеческой свободы и природы зла. Особое внимание уделяется взаимодействию христианской и исламской культурных кодов в поэтике Лермонтова.

Ключевые слова: Михаил Лермонтов, восточная тема, Кавказ, романтизм, поэма «Демон», «Мцыри», кавказская война, экзотика, ислам, христианство, культурная идентичность, поэтика пространства.

Annotation. This article examines the role of oriental themes in the works of Mikhail Yuryevich Lermontov (1814-1841), analyzing the evolution from Romantic exoticism to philosophical comprehension of the Eastern world. Key works are considered: the poems «The Demon», «Mtsyri», «Tamara», the lyrics «The Caucasus», «Three Palms», «The Palm Branch of Palestine», «The

Dagger». It is demonstrated that for Lermontov, the Caucasus functions not merely as a geographical and political object, but as an existential space where dramas of freedom, love, and death unfold. Oriental motifs in the poet's lyrics serve as a means of constructing an «other» space that allows for the exploration of the limits of human freedom and the nature of evil. Special attention is paid to the interaction of Christian and Islamic cultural codes in Lermontov's poetics.

Keywords: Mikhail Lermontov, Eastern theme, Caucasus, romanticism, the poem "Demon," "Mtsiri," Caucasian war, exoticism, Islam, Christianity, cultural identity, space poetics.

Annotatsiya. Ushbu maqola Mixail Yuryevich Lermontov (1814-1841) asarlarida Sharq mavzusining rolini o'rganadi, romantik ekzotikadan Sharq dunyosining falsafiy anglashiga bo'lgan evolyutsiyani tahlil qiladi. Asosiy asarlar ko'rib chiqiladi: «Shayton», «Mtsiri», «Tamara» dostonlari, «Kavkaz», «Uch palma», «Falastin palma novchasi», «Xanjar» she'rlari. Lermontov uchun Kavkaz nafaqat geografik va siyosiy obyekt, balki erkinlik, muhabbat va o'lim dramalari yuz beradigan ekzistensial fazo sifatida ko'rsatilgan. Shoir lirikasida Sharq motivlari inson erkinligi va yovuzlik tabiatining chegaralarini o'rganishga imkon beruvchi «boshqa» fazoni yaratish vositasi sifatida ishlaydi. Lermontov poetikasida xristian va islom madaniyat kodlarining o'zaro ta'siriga alohida e'tibor qaratiladi.

Kalit so'zlar: Mixail Lermontov, sharqona mavzu, Kavkaz, romantizm, "Demon" dostoni, "Mtsiri," Kavkaz urushi, ekzotika, islom, xristianlik, madaniy o'ziga xoslik, makon poetikasi.

Введение. Кавказ и Восток в целом занимают особое место в русской культуре XIX века, выступая как «внутренний экзотический другой», который одновременно привлекает и отталкивает, восхищает и пугает. Для

Михаила Лермонтова, чья биография неразрывно связана с этим регионом (детство в Тарханах, ссылки на Кавказ в 1837 и 1840 годах, гибель в Пятигорске в 1841 году), восточная тематика стала не литературной модой, а экзистенциальной необходимостью. Кавказ для Лермонтова -это не только географический объект, но и «пространство свободы», противопоставленное «пространству несвободы» имперской России. В стихотворении «Кавказ» (1830) поэт обращается к горам с восклицанием: «Хотя я судьбой на заре моих дней, / О южные горы, отторгнут от вас, / Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз: / Как сладкую песню отчизны моей, / Люблю я Кавказ» [Лермонтов, с. 142]. Эти строки представляют собой программное высказывание: Кавказ осмысливается через категорию «отчизны», что указывает на глубокую психологическую идентификацию поэта с этим краем. Важно, что Лермонтов использует архаичное «отчизна» вместо современного «родина», создавая эффект исторической глубины и личной привязанности. Восток становится для Лермонтова альтернативной родиной, местом, где возможна подлинная свобода, недоступная в европейской цивилизации. Как отмечают исследователи, «Лермонтова сопровождала тема Востока на всем протяжении жизни, и в этом немалую роль сыграли обстоятельства биографии поэта» [Ильясов, Магомедова, Саадулаева, с. 48].

Ранняя лирика Лермонтова (1828-1832) воспринимает Восток преимущественно через призму байроновской романтической экзотики: восточный герой -это благородный разбойник, мститель, воплощение «свободолюбивого дикаря». Однако уже в поэме «Хаджи Абрек» (1833-1835) происходит существенный сдвиг: восточный мир предстаёт не как декорация для романтических приключений, а как пространство сложных этических конфликтов. Поэма основана на реальных кавказских преданиях и разворачивается вокруг мотива кровной мести - адата, регулирующего

жизнь горских народов. Сюжет о мщении Хаджи Абрека за убийство брата демонстрирует Лермонтову трагизм восточного «закона мести», который обрекает героя на непрекращающийся круг насилия. Этот мотив получит дальнейшее развитие в «Демоне», где восточный колорит служит фоном для универсальной драмы греха и искупления. Как справедливо отмечает Н.М. Улитина, «Лермонтов изучал быт народов Востока, их обычаи по разным литературным источникам (труды Гёте, Гюго, Байрона, Пушкина, Болдырева и т. д.)» [Улитина, с. 2], что позволило ему создать многослойный образ Востока, не сводимый к стереотипам.

«Демон»: восточный миф как метафизическая притча.

Поэма «Демон» (1829-1839), подзаголовок которой - «Восточная повесть», представляет собой вершину лермонтовского осмысления Востока. Действие разворачивается в Грузии, среди «груд величавых» Казбека и «подножия скал» Дарьяла. Восточный ландшафт здесь функционирует не просто как экзотический фон, но как метафизическое пространство, где встречаются небо и ад, дух и плоть. Описание Тамары в поэме опирается на восточную эстетику: «Черноволосая, смуглая, / Как ночь грузинская, она / Сияла весело и мгла / Самодовольная, ясна» [Лермонтов, с. 195]. Эти строки демонстрируют типичный для ориенталистической живописи приём - сопоставление женской красоты с природными явлениями Востока («ночь грузинская»). Однако ключевое значение имеет не этнографическая достоверность, а создание атмосферы фатальной роковости, характерной для восточного мышления. Демон как персонификация западного романтического бунтарства оказывается в восточном пространстве, где его индивидуализм сталкивается с коллективной судьбой, предопределённостью (кульминация - гибель Тамары). В знаменитой сцене прощания Демон обращается к Тамаре с монологом: «Что без тебя мне эта вечность? / Моих владений

бесконечность? / Пустые звучные слова, / Обширный храм - без божества!» [Лермонтов, с. 630]. Эти строки раскрывают экзистенциальную тоску Демона, который, обладая всей властью мира, ощущает пустоту бытия без любви. Восточная женщина здесь выступает как единственное средство спасения для изгнанника рая, что создаёт уникальный синтез христианской и восточной мифологий.

Поэма «Мцыри» (1839) развивает восточную тематику в ином ключе. Герой - горец, похищенный русскими и воспитанный в монастыре, - олицетворяет конфликт между «естественной» восточной свободой и «искусственной» христианской культурой. Финальная сцена победы Мцыри над барсом представлена с античным пафосом: «И пал он вдруг, и, как тяжелый / Ударит гром с небес, - / Склонился он, раскинув доли / Могучих лап и чудес» [Лермонтов, с. 520]. Это апофеоз восточного героизма, основанного на физической силе и воле. Однако смерть Мцыри от ран и лихорадки в монастыре символизирует невозможность возвращения к «первозданной» свободе. Важно, что Лермонтов не противопоставляет Восток и Запад как абсолютные ценности: монастырь для Мцыри - это тюрьма, но и оазис, где он получил образование. Ключевая фраза поэмы - «Я мало жил, и жил в плену. / Таких две жизни за одну, / Но только полную тревог, / Я променял бы, если б мог» [Лермонтов, с. 480] - выражает трагическую иронию: герой готов отдать две жизни за одну, но «полную тревог», то есть за жизнь свободную, даже если она полна страданий. Восток в поэме - это не идеал, а утраченная невозвратимая целостность, к которой герой стремится, осознавая невозможность достижения.

«Три пальмы»: восточная притча о фатальности желаний.

Стихотворение «Три пальмы» (1839), имеющее подзаголовок «Восточное сказание», представляет собой философскую притчу, близкую

к исламской традиции «тысячи и одной ночи», но переработанную в духе русского романтизма. Три пальмы, растущие в пустынном оазисе, молят Бога о ниспослании им предназначения - быть убежищем для путников. Их желание исполняется: появляется караван, но торговцы вместо благодарности рубят пальмы для костров. Финал стихотворения: «И следом печальным на почве бесплодной / Виднелся лишь пепел седой и холодный» [Лермонтов, с. 256]. Лермонтов здесь развивает характерную для восточной мудрости мысль о фатальности желаний: исполнение мольбы может привести к гибели. Этот мотив близок исламскому пониманию судьбы (кадр), но поэт даёт ему христианское истолкование - грех гордыни, стремления изменить предначертанное. Важно, что в стихотворении присутствует детальная восточная экспозиция: «Верблюд за верблюдом, взрывая песок, / Мотаясь, висели меж твердых горбов / Узорные полы походных шатров, / Их смуглые ручки порой подымали, / И черные очи оттуда сверкали» [Лермонтов, с. 254]. Эти строки создают атмосферу восточного кочевого мира, но служат не декорацией, а необходимым фоном для трагедии: именно караван, воплощающий жизнь и движение, приносит гибель пальмам. «Три пальмы» демонстрируют глубокое понимание Лермонтовым восточной духовности, не сводимой к экзотическому декору.

Баллада «Тамара» (1841), созданная на материале кавказских преданий, представляет собой иное осмысление восточной темы. В отличие от «Демона», где восточная героиня - жертва, здесь Тамара - активный субъект, «царица», которая своим «чарующим голосом» заманивает путников в Дарьяльское ущелье и губит их. Лермонтов подчёркивает двойственность образа: «Прекрасна, как ангел небесный, / Как демон, коварна и зла» [Лермонтов, с. 298]. Восточный колорит (башня на скале, Терек во мгле, «чёрная скала») создаёт атмосферу первобытной стихийности, где добро и зло неразличимы. Важно, что Тамара не просто

«злая чародейка» - она воплощает восточную концепцию роковой женщины, разрушающей мужчину своей красотой. Финал баллады, где с наступлением утра «в окне тогда что-то белело, / Звучало оттуда: прости», указывает на возможность искупления, отсутствующую в «Демоне». Таким образом, «Тамара» развивает диалог между восточным фатализмом и христианской надеждой на прощение. Как отмечают исследователи, «Кавказ для великого русского поэта - живое мудрое существо (воин, царь, страж), хранящее свои верования и обычаи, прекрасное, одетое в восточные одежды» [Кох, с. 1], что полностью относится и к образу Тамары как воплощению кавказской стихии.

Стихотворение «Ветка Палестины» (1837) посвящено не Кавказу, но Ближнему Востоку - Святой Земле, которая в христианской традиции одновременно является и «восточным краем», и центром духовного мира. Поэт обращается к пальмовой ветви, привезённой из Иерусалима: «Скажи мне, ветка Палестины, / Где ты росла, где ты цвела, / Каких холмов, какой долины / Ты украшением была? / У вод ли чистых Иордана / Востока луч тебя ласкал, / Ночной ли ветер в горах Ливана / Тебя сердито колыхал?» [Лермонтов, с. 168]. Эти строки демонстрируют уникальную поэтику Лермонтова: он обращается к неодушевлённому предмету как к свидетелю священной истории, создавая эффект живой памяти. Восток здесь - это пространство священной истории, где «молитву тихую читали / Иль пели песни старины». Как исследуют Ильясов, Магомедова и Саадулаева, «за этой нехитрой восточной символикой "скрывается" ассоциативный метафорический ряд: древо жизни, древо Мироздания, огненный столб Моисея, посох Моисея, земля обетованная» (Ильясов, Магомедова, Саадулаева, с. 50). Лермонтов развивает традицию, идущую от Жуковского («Старый рыцарь») и Пушкина («Цветок»), но придаёт ей особую интонацию: ветка Палестины - это не только память о прошлом, но и

«святыни верный часовой» в «прозрачном сумраке» русской комнаты. Восток становится медиатором между небом и землёй, вечным и временным.

Лермонтов не мог оставить без внимания и политическое измерение восточной темы - Кавказскую войну, которая к моменту его первой ссылки в 1837 году длилась уже двадцать лет. Стихотворение «Спор» (1841) представляет величественную картину русского наступления: «От Урала до Дуная, / До большой реки, / Колыхаясь и сверкая, / Двигутся полки; / Веют белые султаны, / Как степной ковыль, / Мчатся быстрые уланы, / Подымая пыль» [Лермонтов, с. 312]. Однако даже в этой, казалось бы, патриотической оде Восток не демонизируется: он предстаёт достойным противником. В «Кинжале» (1838) Лермонтов пишет: «Люблю тебя, булатный мой кинжал, / Товарищ светлый и холодный. / Задумчивый грузин на мечь тебя ковал, / На грозный бой точил черкес свободный» [Лермонтов, с. 234]. Здесь оружие - кинжал, традиционный восточный символ, - становится связующим звеном между культурами: его ковал грузин, точил черкес, а носит русский офицер. Важно, что черкес характеризуется эпитетом «свободный», что указывает на уважительное отношение поэта к восточному противнику. Как отмечает Н.М. Улитина, «участвуя в военных действиях, он близко познал храбрость, свободолюбие горцев. В то же время старые религиозные обычаи, такие как, например, кровная мечь, где честь и достоинство ценятся выше любви и счастья, иногда страдают невинные - это другой мир, и он также отражён в кавказских поэмах Лермонтова» [Улитина, с. 4]. Восток в военной лирике Лермонтова - это не «варварский другой», но гордый противник, чья свобода вызывает уважение даже у победителя.

Заключение.

Восточная тематика в творчестве Лермонтова функционирует как сложный полисемантический конструкт, который невозможно свести ни к экзотике, ни к идеологии колониализма. Кавказ и Восток в целом служат поэту «зеркалом», в котором отражаются фундаментальные вопросы русской культуры XIX века: соотношение свободы и закона, индивида и коллектива, христианства и ислама, Европы и Азии. Лермонтов разрушает романтический штамп «благородного дикаря», но не впадает в просветительский презрительный пафос: его восточные герои - Хаджи Абрек, Мцыри, Тамара, черкесы из военной лирики - обладают сложной психологией, мотивированы культурными кодами, отличными от европейских, но не менее значимыми. В финале своей жизни, в стихотворении «Тебе, Кавказ, суровый царь

Список литературы

1. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. - Л.: Наука, 1981. - Т. 1: Стихотворения 1828-1837. - 520 с.
2. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. - Л.: Наука, 1981. - Т. 2: Стихотворения 1838–1841. Поэмы. - 544 с.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. - Л.: Наука, 1981. - Т. 3: Проза. Драмы. - 576 с.
4. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: в 2 т. / М.Ю. Лермонтов; под ред. Б.В. Томашевского. - Л.: Советский писатель, 1983. - Т. 1. - 480 с.
5. Гаспаров М.Л. Лермонтов: Поэтика и семантика / М.Л. Гаспаров. - М.: НЛЮ, 2014. - 368 с.

6. Маколкин А.А. Мифология «прекрасной дамы» у Лермонтова / А.А. Маколкин // Лермонтовский сборник. - М.: НЛЮ, 1997. - Вып. 1. - С. 45-62.
7. Степанов Н.Л. Лермонтов / Н.Л. Степанов. - М.: Просвещение, 1987. - 256 с.
8. Эткинд Е.Г. Материалистическая философия в творчестве Лермонтова / Е.Г. Эткинд // Лермонтовский сборник. - М.: НЛЮ, 1997. - Вып. 1. - С. 78-95.
9. Геташвили Н.В. «Демон» М.Ю. Лермонтова: История создания и идеология поэмы / Н.В. Геташвили. - М.: НЛЮ, 2001. - 320 с.
10. Лотман Ю.М. Поэтика Лермонтова / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. - Таллинн: Александра, 1992. - Т. 2. - С. 112-145.
11. Белинский В.Г. Сочинения М. Лермонтова / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. - М.: АН СССР, 1955. - Т. 10. - С. 234-278.
12. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма / Ю.В. Манн. - М.: НЛЮ, 1995. - 384 с.